

Сенека приветствует Луцилия!

Повидал я Ауфидия Басса: этот превосходный человек изнемог в борьбе со старостью. Она гнетет его слишком сильно, чтобы ему подняться, – таким тяжелым и все подавляющим бременем налегли годы. Ты знаешь, что он и всегда был слаб здоровьем и хил, однако долго держался или, вернее, поддерживал себя – и вдруг сдал.

Как кораблю, который дал течь, не опасны одна-две трещины, но когда он расшатается и разойдется во многих местах, то рассевшегося днища уже не поправить, – так и старческую немощь до поры можно терпеть и даже найти ей подпоры, но когда, словно в трухлявой постройке, все швы расползаются и, пока чинишь одно, другое разваливается, тут уж надо думать о том, как бы уйти.

Но наш Басе бодр духом. Вот что дает философия: веселость, несмотря на приближение смерти, мужество и радость, несмотря на состояние тела, силу, несмотря на бессилие. Хороший кормчий плывет и с изодранным парусом, и даже когда снасти сорвет, он приспособит, что осталось, и плывет дальше. Так же поступает и наш Басе. Свою кончину он встречает с такой безмятежностью в душе и взоре, что всякого, кто так смотрел бы на чужую смерть, ты счел бы слишком уж спокойным.

А ведь это великое дело, Луцилий, и долго надо ему учиться, – когда придет неизбежный срок, уйти со спокойной душой. Любой род смерти оставляет надежду: болезнь проходит, пожар гаснет, обрушившийся дом плавно опускает тех, кого грозил раздавить, море, поглотившее пловцов, выбрасывает их невредимыми с той же силой, с какой затащило вглубь, воин отводит меч, уже коснувшийся шеи жертвы. Не на что надеяться только тому, кого к смерти ведет старость: тут никто не может вмешаться. Этот род смерти – самый безболезненный, но и самый долгий.

Мне казалось, что наш Басе сам себя проводил в могилу и, пережив самого себя, переносит разлуку, как мудрец. Он много говорит о смерти и делает это нарочно, желая убедить нас в том, что, если и есть в этом деле что-нибудь неприятное и страшное, то виноват умирающий, а не сама смерть, в которой не больше тяжелого, чем после смерти.

Одинаковое безумие – бояться того, что не принесет страданий, и того, чего нельзя и почувствовать. Неужели кто-нибудь думает, что можно почувствовать ту, благодаря которой перестают чувствовать? "Поэтому, – заключает Басе, смерть стоит за пределами зла, а значит – и страха перед злом".

Я знаю, такие слова часто повторяли и должны повторять: но они не помогали мне, ни когда я их читал, ни когда слышал от людей, объявлявших нестрашным то, чего им самим еще не приходилось бояться. А его речь была для меня особенно убедительна, потому что говорил он о собственной близкой смерти.

Скажу тебе, что думаю: по-моему, умирая, человек мужественнее, чем перед смертью. Когда смерть пришла, она и невежде даст силу духа не бежать от неизбежного. Так гладиатор, самый робкий во все время боя, подставляет горло противнику и сам направляет неверный меч. А та смерть, что близка и наверняка придет, требует долгой стойкости духа, качества редкого, которое может явить лишь мудрец.

Поэтому я с особой охотой слушал, как он выносит приговор смерти и судит о природе той, которую видел вблизи. Я полагаю, больше веры у тебя заслужил бы тот, кто ожил и, зная на опыте, рассказал бы, что в смерти нет никакого зла. А сколько смятения приносит приближающаяся смерть, лучше всех объяснят те, кто был с нею рядом, видел ее приход и встретил ее.

К ним можно причислить Басса, который не хочет, чтобы мы оставались в заблуждении, и говорит, что бояться смерти так же глупо, как бояться старости. Ведь так же, как за молодостью идет старость, следом за старостью приходит смерть. Кто не хочет умирать, тот не хотел жить. Ибо жизнь дана нам под условием смерти и сама есть лишь путь к ней. Поэтому глупо ее бояться: ведь известного мы заранее ждем, а страшимся лишь неведомого.

Неизбежность же смерти равна для всех и непобедима. Можно ли пенять на свой удел, если он такой же, как у всех? Равенство есть начало справедливости. Значит, незачем защищать от обвинения природу, которая не пожелала, чтобы мы жили не по ее закону. А она созданное уничтожает, уничтоженное создает вновь.

Если же кого-нибудь старость кротко отправит прочь, не вырвав внезапно из жизни, но уведя из нее незаметно, разве тот, кому такое выпало на долю, не должен благодарить всех богов, отославших его, сытого, на покой, всякому человеку необходимый, а усталому – отрадный? Ты видишь, иные зовут смерть с большим пылом, чем обычно молят о продлении жизни. Однако я не знаю, от кого мы почерпнем больше мужества: от тех ли, кто ищет смерти, или от тех, кто весело и спокойно ждет ее, потому что первыми движет порой смятение чувств и внезапное негодование, а спокойствие вторых рождено непреложным суждением. Иногда человека гонит к смерти гнев; но весело встретит ее приход только тот, кто готовился к ней задолго.

Итак, признаюсь, я бываю у этого дорогого мне человека так часто по многим причинам; мне хочется знать, найду ли я его и на сей раз прежним или же стойкость духа иссякает вместе с силами тела. Но она у него все росла, так же как на глазах у всех растет радость возниц, когда они на седьмом круге приближаются к победе.

Верный наставлениям Эпикура, он говорил мне так: можно надеяться, что последний вздох излетает без боли, а если боль и есть, то хоть некоторое утешение заключено в ее краткости, – потому что сильная боль не бывает долгой. В самый миг расставания души с телом, – если это мучительно, – ему поможет мысль, что после этой боли уже ничего болеть не будет. Но, впрочем, он не сомневается, что душа старика держится на волоске и, чтобы вырвать ее из тела, большой силы не нужно. Если огонь охватил крепкий дом, то надо гасить его, заливая водой или обрушив постройку, но там, где ему не хватает пищи, он сам гаснет.

Я особенно охотно слушаю это, Луцилий, не потому что оно ново, но потому что воочию вижу все на деле. В чем же суть? Разве мало я наблюдал людей, добровольно обрывавших свою жизнь? Видеть-то я их видел, но для меня убедительнее пример тех, кто идет к смерти без ненависти к жизни, кто принимает, а не призывает кончину.

"Мучимся мы, – говорил он, – по своей вине, оттого что трепещем, когда думаем, что смерть близко. Но бывает ли далеко та, что подстерегает нас в любом месте и в любой миг? Едва нам покажется, что по какой-то причине приблизилась смерть, лучше подумаем о других, еще более близких причинах, которых мы не боимся". – Враг угрожал смертью, – но врага опередила болезнь желудка.

Если бы мы захотели разобраться в причинах нашего страха, то убедились бы, что одни из них существуют, другие нам мерещатся. Мы боимся не смерти, а мыслей о смерти ведь от самой смерти мы всегда в двух шагах. Значит, если смерть страшна, то нужно всегда быть в страхе: разве мы хоть когда-нибудь избавлены от нее?

Но мне уже надобно опасаться, как бы ты не возненавидел такие длинные письма хуже смерти. Итак, я кончаю. А ты, чтобы никогда не бояться смерти, всегда думай о ней.

Будь здоров.